

Её звали Йоко

Натали Ян

Натали Ян
Её звали Йоко

«Автор»

2026

Ян Н.

Её звали Йоко / Н. Ян — «Автор», 2026

Нелегкий жизненный путь маленькой Йоко и её бабушки Есико Хамото. Эта история началась весной 1857 года в префектуре Осака. История рождения, детства, становления маленькой девочки из Японии на стыке эпох Эдо и Мейдзи. Девочка выросла под опекой своей не родной бабушки, но об этом не знает, впрочем как и её мать. Спустя годы, частично, узнает историю своего появления на свет. Йоко предстоит во многом повторить судьбу своей мамы и узнать пугающие тайны её семьи. В первой главе вы узнаете, ту историю о матери Йоко, которую поведала ей госпожа Хамото.

© Ян Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мама, которую я знала.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Натали Ян Её звали Йоко

Мама, которую я знала.

21 марта 1857 года.

Трагедия вновь постучала в дома японцев.

Чудовищное землетрясение забрало более ста тысяч жизней.

Но, лишь тысячи погибли от самого подземного толчка,

остальные умирали в адском пламени, которое разносило ураганами.

За 17 лет до этого...

Осень 1840 года.

На фоне страшнейшего экономического кризиса в стране, жителей крупных городов начали гнать в деревни. Но даже там жизнь не была легкой, молодые люди были не в силах выживать, а уж, тем более, кормить маленьких детей. Отдать ребенка другим людям было невозможно, эти дети не были нужны родителям, что уж говорить о чужих.

У подножия горы Сияма, по крайней мере, так эту возвышенность называли жители селения Сиомо в префектуре Осака, находилось место. Это место стало настоящим адом. Сюда приносили ненужных младенцев. Здесь своих крох оставляли их родители, у которых не хватало духа лишить страданий собственных малышей. Они обрекали детей на верную смерть, хотя и был крошечный шанс на спасение теми, кто их найдет.

Иногда избавление было лишь иллюзией. Новорожденных могли забрать люди с худшими намерениями. В такие моменты приходит осознание пугающей реальности: смерть, действительно — спасение.

Дождливой осенней ночью госпожа Хамото возвращалась после сбора целебных трав в лесной чаще. Услышав плач малыша из непроглядной тьмы, женщина прекрасно понимала его истинное происхождение. Она и раньше ходила этой тропой, поэтому подобный плач слышала далеко не впервые. Она и глаза родителей несчастных подкидышей видела много раз. У одних в глубине взгляда горел жгучий стыд, у других же явственно сияло облегчение. Госпожа Хамото была одинока, но прокормить целую армию обездоленных детей она не видела никакой возможности. Сердце этой женщины за долгие годы успело окаменеть, ведь повидала она на своем веку, действительно, слишком много.

Однако в этот раз истошный крик малышки что-то окончательно сломал в душе Ёсико. Она решительно прошла вглубь леса, и чем ближе она подходила к источнику звука, тем отчетливей слышала чужие голоса: кроме душераздирающего плача девочки, раздавались реплики двух взрослых. Нет, это были вовсе не горе-родители, это оказались два блуждающих самурая. Они тихо спорили между собой, вырастет ли из этой крохи настоящая красавица.

— ...да не выйдет из неё... никакой статной девицы... — долетел сквозь деревья глухой, уверенный голос одного из воинов.

— ...слишком большие расходы... — приглушенно ворчал другой, беспокоясь о затратах на неё, которые явно превысят выгоду, ожидаемую от девчонки в далеком будущем, — ...а какая прибыль... потом?..

Госпожа Хамото отчетливо понимала, что ей в одиночку ни за что не одолеть двух вооруженных громил, которые, словно живую курицу, делили беззащитных детей по принципу

«кому побольше, а кому покрасивей». Она набралась смелости и, подойдя вплотную к кричащей малышке, сходу констатировала:

— Девочка тяжело больна, трогать её ни в коем случае нельзя, её надо сжечь!

Эта пожилая женщина их, безусловно, сильно ошарашила. Выскочила внезапно из крошечной тьмы и уверенно говорит о безнадежно больном и заражном ребенке.

В вымокшей лесной женщине — невысокой, сухой старухе около шестидесяти лет, на чьем испещренном морщинами лице остро выделялись темные глаза, а под традиционной бамбуковой шляпой прятались темные волосы с проседью — самураи сразу узнали Ёсико Хамото, местную травницу и опытного лекаря.

Спорить с ней не было ни желания ни смысла.

— Уходим, она своё дело знает — негромко бросил один другому.

Бегло осмотрев больше десятка других подкидышей и окончательно убедившись, что живых среди них больше нет, они спешно продолжили свой прерванный путь. Госпожа Хамото крепко схватила брошенную девочку и унесла к себе домой.

1851 год.

Жительница близлежащего города Сеннан внезапно узнает о невероятной волшебнице, способной поведать о грядущем и даже со стопроцентной точностью рассказать о далеком прошлом. В действительности эта прорицательница была никакая не взрослая девушка, а маленькая девочка, тайно сбежавшая от своей матери в город. Никто в точности не может с уверенностью сказать, врет она или говорит чистую правду, но юная особа рассказывает о таких вещах, которых знать никак не может. Естественно, делает она это исключительно за щедрую оплату. Маленькая Аямэ ловко убеждает доверчивых людей в своей возможности дать им именно то, чего они страстно желают.

Очередное исчезновение Аямэ вовсе не стало для Хамото причиной для отказа от привычной рутины, и пожилая женщина направилась в Сеннан, чтобы продать выращенный на огороде урожай моркови. Проходя среди шумной толпы, она неожиданно увидела дочку, которая ловко продавала красивую иллюзию изумленной публике. Острое чувство стыда заставляло пройти мимо, но материнская ответственность все же перевесила, поэтому, грубо растолкав зевак, женщина крепко схватила Аямэ за ухо и потащила ее на позорную казнь. Накинув хайно^[1] на спину девочке, она еще и увесистым пинком ускорила её движение.

Возвращаясь обратно в Сиомо, мать и дочь яростно ругались всю оставшуюся дорогу. Будучи женщиной глубоко набожной, Хамото считала любые заигрывания с экстрасенсорикой, предсказаниями грядущего и копанием в чужом прошлом не просто глупостью, а настоящим богохульством и личным оскорблением. Распекая Аямэ за её вопиющее поведение, суровая родительница без утайки кричала, что подобные трюки — это верх безрассудства.

— Если ты предскажешь кому-то что-то не то, и это пророчество в итоге не сбудется, тебя мгновенно сочтут бессовестной мошенницей! — в сердцах отчитывала её Хамото, едва поспевая за упирающейся девчонкой.

— После такого позора с нашей семьей ни один приличный человек дел вести не станет, и я из-за твоих фокусов даже выращенные овощи на рынке продать не смогу!

Аямэ, напротив, жутко психовала, срывалась на истошный крик и вопила на всю тропу, что эта старая упрямая скряга устроила ей форменный кошмар и опозорила перед восхищенными слушателями.

— У меня, в отличие от тебя, есть настоящая большая мечта, и я вовсе не хочу добровольно положить всю свою молодость и жизнь на то, чтобы до кровавых мозолей таскать тяжелые мешки и выменивать их на жалкие гроши! — яростно кричала в ответ девочка.

— И что же это за великая мечта такая, ради которой необходимо честных людей за нос водить и нагло обманывать?! — в упор гремела в ответ разгневанная Хамото.

Аямэ на предельно повышенном тоне, срывая голос, выпалила, что её заветное желание — это жить в абсолютном комфорте, достатке и роскоши, а вовсе не ковыряться бесцельно в сырой земле, чтобы на закате дней выглядеть как высохшая, сморщенная слива. При этом девчонка дерзко добавила, что её уникальные видения и проницательность обязательно помогут ей выбиться в люди и достичь этого богатства. За столь оскорбительное сравнение со сморщенной сливой, а также за то, что малолетняя дочь посмела так непочтительно кричать на мать, Хамото наотмашь отвесила ей увесистый, звонкий подзатыльник.

Но Аямэ, несмотря на то, что получила сильный и болезненный удар, упрямо не замолчала и всё равно продолжала язвительно огрызаться. И тогда окончательно потерявшая терпение Хамото продолжила прямо на ходу отвечать ей чувствительные пинки до самой деревни.

Характер у подрастающей Аямэ был действительно невероятно тяжелым.

В конце концов, Аямэ в порыве злости оставила всю заработанную на рынке Сеннана кукурузу на плечах матери и в одиночку стремительно ушла домой. Разгневанная Хамото сперва искренне хотела догнать строптивую девчонку и как следует отлупить, но в итоге расудила здраво и решила спокойно донести весь тяжелый груз до своего дома сама.

Едва вернувшись в родные стены, Ёсико и её одиннадцатилетней дочери пришлось прямо с порога встречать незваных гостей. К скромному жилищу Хамото вновь пожаловали вооруженные солдаты. С тех самых пор, как Аямэ расцвела, эти служивые люди и прочий подозрительный сброд регулярно крутились у порога её дома. Всякий раз, совершая свой внезапный визит, военные молча оставляли увесистый мешок белого риса, вежливо интересовались, все ли у женщин в порядке, и сразу после этого уходили восвояси.

Как только нежданные визитеры окончательно скрылись из виду, Аямэ с явным негодованием и скрытой иронией спросила:

— Опять будем складировать это добро под пол? Или, всё-таки, как нормальные люди, наконец-то съедем его?

Ответ матери был предельно решительным:

— Нет!

Хамото сурово объяснила упрямой дочери, что если они посмеют притронуться к этому подношению и съедят его, то однажды дарители обязательно вернутся и потребуют за всё сполна заплатить.

— Но почему мы не можем просто взять и заплатить? — поинтересовалась Аямэ.

Последовавший ответ оказался совершенно неожиданным и шокирующим для маленькой девочки, ведь единственной и истинной оплатой за этот рис была она сама.

Лето 1856 года.

Аямэ мирно работала в саду, когда внезапно повторился визит вооруженного отряда, но на этот раз к дому явился сам командир в сопровождении двух рядовых солдат. Госпожа Хамото мгновенно узнала гостя: этот отвратительный засранец на протяжении многих лет постоянно разыскивал маленьких детей для своих корыстных и темных целей.

Он находился в той самой лесной чаще у горы Сияма, когда Аямэ было всего лишь несколько дней от роду. Казалось, по прошествии стольких лет и он наконец-то догадался, что перед ним стоит та самая девочка, которая, якобы, была безнадежно больна и смертельно заразна.

Наглый самурай бросил оценивающий, тяжелый взгляд на Аямэ, а затем сухо спросил:

— Сколько ей лет и кто её родной отец?

При этом мужчина прекрасно знал, что старая травница глубоко одинока, и никакого мужа у неё никогда не было.

— Отец давно умер, а девочке десять лет, — уверенно ответила Ёсико.

Стоит ли говорить, что эта девушка выглядела чересчур внушительно и взросло для названных десяти лет.

Самурай мрачно насупился от столь очевидной лжи. И сразу же задал вполне логичный вопрос:

— Не та ли самая кроха, что когда-то умирала от неизлечимой заразной болезни в лесной чаще, теперь так активно занимается выращиванием овощей в твоём саду?

Не дожидаясь ответа старой травницы, командир громко позвал девочку к себе.

Не получив в ответ ни единого звука, он уже в жестком приказном тоне потребовал от молодой девушки:

— Немедленно подойди ко мне!

И вновь в воздухе повисла лишь тяжелая тишина.

Окончательно разъяренный воин спешно направился прямо к работающей на грядках Аямэ, но хозяйка дома отчаянно кинулась ему наперерез и начала настойчиво интересоваться:

— Какова истинная цель вашего внезапного визита?

Мужчина яростно прокричал в ответ:

— Заткнись, старуха!

Однако в этот же миг сама девчонка дерзко крикнула на него: — Пошел вон отсюда!

Командир в ответ злобно заявил об их огромных обязательствах перед его отрядом. Он жестко отчеканил:

— За весь тот рис, которым мы кормили вас все эти годы, девушка теперь всецело принадлежит регулярной армии и императору!

Не дожидаясь окончательного завершения мысли высокопоставленного гостя, бабка стремительно кинулась в дом, чтобы достать и тщательно пересчитать скопившееся зерно. Пересчитав до единого все мешки с рисом, она твердо заявила:

— Армия может прямо сейчас забрать всё это зерно обратно до последнего зернышка!

Рядовые солдаты, услышав такое, явно и неподдельно удивились, а их разъяренный предводитель в бешеной ярости запрыгнул на своего коня и бросил напоследок глухую угрозу:

— Я любой ценой получу то, что мне нужно!

Именно в этот момент Аямэ наконец-то отчетливо поняла, почему её мать все эти годы так панически боялась прикасаться к этому рису и запрещала его есть. Оставшись наедине с матерью, Аямэ взволнованно спросила, о какой именно умирающей в лесу девочке только что попытывался наглый самурай.

В эту секунду она начала всерьез догадываться, что Хамото вовсе не является её родной по крови матерью. Однако Хамото не стала открыто подтверждать эти страшные догадки, а лишь злобно фыркнула в ответ и поспешно ушла в сторону дома.

Прошло две недели. Аямэ отправилась в лес собирать лекарственные травы. Все то время мать и дочь совершенно не разговаривали друг с другом. Девочку мучил вопрос, правда ли то, что сказал самурай. Кроме того, ей регулярно снилась её настоящая родительница. Правда, она этого отчетливо не осознавала.

Внезапно из густых кустов показался этот наглый воин. Аямэ очень сильно испугалась, ведь она прекрасно понимала, что находится здесь совершенно одна, и никто её не спасёт.

— Зачем тебе вообще нужна эта старая бабка, если она ведь даже не родная мать? — спросил самурай.

Аямэ не могла этому удивиться, поскольку и так в глубине души понимала страшную правду, просто упрямо гнала её прочь от себя. Юная особа продолжала безмолвствовать, но преследователю и не нужен был её ответ.

Он не стал терять времени и грубо констатировал: — Я всегда получаю то, что хочу!

Самурай цинично отметил, что сама девчонка ему абсолютно не нужна, но матерью его будущего ребёнка ей стать придётся. Хочет она того или нет. Аямэ в ужасе бросилась бежать, но у неё не было и малейшего шанса...

После всего произошедшего Аямэ так и не смогла вернуться обратно домой, так как она чувствовала себя жестоко обманутой, а теперь еще и перенесла это ужасное надругательство. Хамото вновь потеряла свою названую дочь, каковой та являлась для неё все эти долгие годы, и никакое кровное родство не могло перечеркнуть эту глубокую привязанность.

С наступлением осенних холодов Ёсико подалась в Сеннан. Она упорно искала её всюду, настойчиво спрашивала у каждого встречного прохожего, видел ли кто-то девушку с особым пророческим даром. Но никто её, уже очень давно, не видел.

Сноски:

^[1] «Хайно» (, haipō) — это исторический японский армейский ранец, который широко использовался японскими военными в конце XIX века, в эпоху Мэйдзи. Но в данном контексте его роль играет простой заплечный мешок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.